

ВАСИЛИЙ ЯНОВСКИЙ
Поля Елисейские

ВАСИЛИЙ ЯНОВСКИЙ

Поля Елисейские

Книга памяти

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Я64

Предисловие Н.Г. Мельникова,
комментарии О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова

Художник Андрей Бондаренко

В книге использованы фотографии:
из альбомов Андрея Корлякова “Русская эмиграция в фотографиях, 1917–1947” (YMCA-PRESS, 2001–2005), “Великий русский исход. Европа, 1917–1939” (YMCA-PRESS, 2009); из архива Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына (архив В.С. Варшавского. Ф.54); из семейного архива Алексиса Левитина.

Издательство благодарит Марию Рубинс и Николая Мельникова
за помощь в подборе фотографий

Яновский, В.С.

Я64 Поля Елисейские : Книга памяти / Василий Яновский ; предисл. Н.Г. Мельникова, коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. — М. : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 381, [3] с. ; ил. — (Чужестранцы).

ISBN 978-5-17-185597-0

“Поля Елисейские” Василия Яновского (1906, Полтава – 1989, Нью-Йорк) — очень личные, яркие, субъективные воспоминания о русской эмиграции в Париже первой половины XX века. Главные герои книги — “незамеченное поколение”, дети первой волны эмиграции. Они противопоставляли себя “старшим писателям” и считали, что незаслуженно оказались на втором плане.

Среди близких друзей В. Яновского были Борис Поплавский, Юрий Фельзен, Валерий Дряхлов; он был знаком с Д. Мережковским, З. Гиппиус, И. Бунинным, Б. Зайцевым, В. Ходасевичем, Г. Ивановым и др.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-185597-0

- © Яновский В.С., наследники
- © Коростелев О.А., наследники, комментарии
- © Мельников Н.Г., предисловие, комментарии
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Николай Мельников
Незамеченный писатель

7

Василий Яновский
Поля Елисейские

Книга памяти

25

Олег Коростелев, Николай Мельников
Комментарии

311

Указатель имен

369

Незамеченный писатель

Василий Семенович Яновский (1906–1989) — один из тех писателей русского зарубежья, кого смело можно отнести к “незамеченному поколению”. Так, с легкой руки В.С. Варшавского, принято называть генерацию “эмигрантских сыновей”, пришедших в литературу в двадцатые годы прошлого столетия. “Большинство из них родилось в первом десятилетии века. Они успели получить в России только начальное воспитание и попали в эмиграцию недоучившимися подростками. Старшие из них прошли в рядах Добровольческой армии страшный опыт Гражданской войны. Большинство же покинуло родину почти детьми. Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколений старших”^{*}.

Равнодушное непонимание издателей и редакторов толстых журналов, вплоть до середины тридцатых годов отдававших предпочтение маститым литераторам, составившим себе имя еще до эмиграции, отсутствие развитого книжного рынка и своего читателя, наконец, тяжелое материальное положение, а иногда и просто нищета, убивающая саму физическую возможность заниматься литературой, — все это предопределило творческую судьбу большинства молодых писателей “русского рассеянья”.

По воспоминаниям Юрия Терапиано, “подавляющее большинство знало не только бедность, не только работу на фабрике или в бюро, но и длительную безработицу с жалким пособием для безработных (эти годы были как раз годами большой безработицы во Франции и тяжелого положения иностранцев). Страдали также от хронического недосыпания те, которые имели работу: литературные собрания всякого рода начинались и кончались поздно, а утром нужно было рано вставать; так у меня, например, тянулось пять лет, пока я работал в бюро известной распространительной французской фирмы «Ашет». Трудно было также — работавшим — постоянно

^{*} Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 16–17.

«перевоплощаться» из «трудящегося» в «писателя» или в «поэта» и обратно”*.

Особенно тяжело приходилось прозаикам. Ведь, как известно, для того чтобы написать крупную вещь, например роман — наиболее востребованный на литературном рынке жанр, — требуется не только досуг, но и уединение, хотя бы временное освобождение от необходимости зарабатывать на хлеб насущный. Такой возможностью обладали немногие счастливицы. Прожить на литературные заработки эмигрантскому писателю было невозможно. В эмиграции даже авторы с мировым именем (Бунин, Мережковский, Шмелев) едва сводили концы с концами. Гонорары за журнальные публикации были мизерными; издательский бизнес после кратковременного расцвета начала 1920-х годов дышал на ладан. Издать книгу начинающий писатель мог разве что за свой счет — прекрасно понимая, что в условиях всеобщего обнищания потенциальных читателей затраты не окупятся.

Положим, новичкам в литературе всегда было нелегко, и пробиться на вершины литературного Олимпа дано далеко не всем. Однако могли ли даже самые талантливые и пробивные писатели поколения “эмигрантских сыновей” мечтать о стартовых условиях, созданных, скажем, для их американских или английских сверстников, которые после двух-трех успешных книг становились вполне обеспеченными людьми? И речь идет отнюдь не о поставщиках легковесного чтива. И даже не о писателях, ставших светскими знаменитостями, вроде Фрэнсиса Скотта Фицджеральда или Эрнеста Хемингуэя. Вспомним, что даже такой “трудный” и явно некоммерческий автор, как Томас Вулф, получив Гугенхаймовскую стипендию за дебютный роман “Взгляни на дом свой, ангел” (1929), смог в течение года жить за пределами Соединенных Штатов и, путешествуя по Европе, спокойно работать над очередной нетленкой, которую, кстати, потом *целый год* шлифовал и отделявал редактор издательства “Скрибнерс”.

Иной удел был уготован молодым писателям русского зарубежья. За редким исключением они были лишены не только материального поощрения или психологической поддержки со стороны “старших”, но и живого читательского отклика.

“Выключенные из цепи поколений, они жили где-то вне истории, сбоку <...>. Непосредственно даны были только одиночество, бездомность, беспочвенность...”** По всем статьям это было поколение неудачников, так и не нашедших дорогу к широкому читателю — в луч-

* *Терапиано Ю.* По поводу незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 27 ноября. № 15492. С. 8.

** *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. С. 183.

шем случае ставших кормом для историков литературы. Немногие удачи — Владимира Набокова или Нины Берберовой, под старость добившихся международной известности, — лишь подтверждают грустное правило. К тому же не будем забывать, что оба счастливых демонстративно отделяли себя от “эмигрантских сыновей”, да и были овеяны лучами славы лишь после того, как первый из русского писателя перековался в американского, а вторая опубликовала английский перевод своей автобиографии “Курсив мой”^{*}.

В 1990-е годы, на излете книжного бума, посмертного признания удостоились еще два представителя “незамеченного поколения”: “монпарнаасский царевич” Борис Поплавский и Гайто Газданов. Пусть их известность не перешла за границы России, зато на родине они стали, что называется, “культовыми авторами” для литературных гурманов.

Судьба Василия Яновского сложилась менее счастливо. О его произведениях в разные годы весьма сочувственно отзывались такие литературные тяжеловесы, как Георгий Адамович, Владислав Ходасевич, Уистен Хью Оден и Сергей Довлатов, однако имя Василия Яновского по-прежнему “до странности мало говорит современным русским читателям”, хотя он — цитирую довлатовское предисловие ко второму изданию “Полей Елисейских” — “бесспорно принадлежит к числу самых талантливых, глубоких и уж во всяком случае — наиболее оригинальных прозаиков первой эмигрантской волны”^{***}.

Со времени, когда Довлатов писал свой хвалебный отзыв о “Полях Елисейских”, прошло тридцать лет, но с тех пор мало что изменилось в писательской репутации Василия Яновского. Даже во время кратковременного всплеска интереса к литературе русского зарубежья, пришедшегося на конец восьмидесятых — первую половину девяностых, произведения писателя не заинтересовали издателей и редакторов толстых журналов и не нашли широкого отклика среди литературоведов.

Практически незамеченным прошло и двухтомное собрание его сочинений, при моем скромном участии выпущенное в 2000 году^{***}. Характерно, что даже спустя *три года* автор статьи о Яновском, вошедшей в биобиблиографический словарь, не только не включил двухтом-

* The Italics are Mine, 1969.

** Довлатов С. Против течения Леты // Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 5.

*** Яновский В.С. Собрание сочинений: в 2 т. / предисл., сост. Н. Мельникова, примеч. Н. Мельникова, О. Коростелева. М.: Гудьял-Пресс, 2000.

ник в пристатейную библиографию, но и ничтоже сумняшеся заявил: «Поля Елисейские» — это единственная пока книга писателя, изданная на родине»*.

По-прежнему один из самых оригинальных прозаиков первой эмигрантской волны, написавший более десяти романов, множество рассказов, публицистических статей и эссе, известен пока лишь как автор одной-единственной книги: “скандальных” воспоминаний “Поля Елисейские”, давно расхватанных на цитаты специалистами по литературе русского зарубежья. И прежде чем мы перейдем к ней — несколько слов о творческом пути ее создателя.

* * *

Покинув Россию четырнадцатилетним подростком, проведя всю свою жизнь на чужбине, перейдя в конце своей писательской карьеры на английский, Василий Яновский вынес из России “ровно столько, чтобы отравить себе безмятежное существование на трезвом Западе” и навсегда остаться глубоко русским человеком, сохранившим верность великой русской культуре и русскому языку, тому “звучному и варварскому, мощному и необъезженному языку”, на котором написаны лучшие его произведения.

Первые прозаические опыты Яновского относятся ко времени его пребывания в Варшаве, куда он прибыл в 1922 году, нелегально перейдя вместе с отцом и двумя сестрами советско-польскую границу. В Польше он пишет несколько рассказов, в том числе и “Рассказ о трех распятых и многих оставшихся жить” — о разбойнике Варавве, счастливо избежавшем распятия на кресте.

В 1926 году начинающий писатель переезжает во Францию и поселяется в Париже — городе, которому суждено было сыграть особую роль в его судьбе. До конца жизни с щемящим чувством ностальгии он вспоминал неповторимую атмосферу Парижа двадцатых-тридцатых годов — тот магический воздух свободы, “который так потрясает для русской души и в то же время кажется нам родственным”**.

Вскоре после переезда во Францию Яновский втягивается в бурную жизнь русского литературного Парижа: сближается с поэтами-монпарнасцами Борисом Поплавским, Валерианом Дряхловым, Виктором Мамченко, Павлом Бредом (этот экзотический псевдоним принадлежал весьма эксцентричному поэту-дилетанту Павлу Горгулову,

* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь / под общ. ред. Н.Н. Скатова. М., 2003. С. 811.

** Необыкновенное десятилетие (интервью с В. Яновским) // Антология Гнозиса: в 2 т. Т. 1. СПб., 1994. С. 335.

который прославился не своими стихами — откровенно бездарными, судя по единодушным отзывам современников, — а бессмысленным убийством французского президента Поля Думэра); выступает с чтением своих произведений на литературных собраниях Союза молодых писателей и поэтов и разного рода художественных вечерах; становится постоянным автором журнала “Числа”, ставшего рупором эмигрантской молодежи; заводит знакомства среди эмигрантских писателей “старшего” поколения. Особенно значимым для начинающего писателя было знакомство с Георгием Викторовичем Адамовичем, общепризнанным законодателем мод на Монпарнасе, мэтром молодых парижских литераторов, которого, как позже подчеркивал Яновский, “в первую очередь надо благодарить за возникновение и развитие особого климата зарубежной литературы”. Критические статьи и эссе Адамовича, с их апологией “человеческого документа” и неприязнью к формалистическим “вывертам”, безусловно, во многом сформировали эстетическое сознание начинающего прозаика.

Не менее важным для Василия Яновского было и общение со сверстниками, молодыми русскими литераторами, завсегдатаями монпарнасских кафе, готовыми до утра рассуждать о блаженном Августине, Достоевском, Блоке, о “Закате Европы” Шпенглера, яростно спорить, перескакивая с одной темы на другую, о литературных новинках, свежем “четверговом” выпуске “Последних новостей”, о политике, религии, философии, России и пр., и пр.

Активно участвуя в литературной жизни русского Парижа, Яновский поступает на медицинский факультет Сорбонны (в 1937 году он получает степень доктора медицины). До конца жизни прозаик совмещал писательскую деятельность с врачебной практикой. Выбранная профессия повлияла на формирование творческого “я” писателя, пожалуй, не меньше, чем философские труды высоко почитаемых им Николая Федорова и Анри Бергсона или проза Селина и Кафки. Врачебный опыт наложил глубокий отпечаток на многие произведения Яновского и обусловил характерные особенности его творческой манеры: откровенные, без боязни слов натуралистические описания, пристальное внимание к физиологии человека (то, что в рецензии на одну из книг Яновского Михаил Осоргин назвал “клиническим нецеломудрием”*), жесткая правдивость в освещении таких сторон человеческой жизни, как насилие, голод, страх, физические страдания, парализующие духовное “я” человека, и т. п.

Эти черты уже в полной мере проявились в автобиографической повести “Колесо”, одной из главных тем которой стала “спокойная, бес-

* *Мих. Ос.* [Осоргин М.] Рец.: “Любовь вторая” // Последние новости. 1935. 11 июля. № 5222. С. 3.

страстная жестокость мира”, безжалостно калечащая людские судьбы. В 1930 году, при содействии Михаила Осоргина, повесть вышла отдельной книгой в издательстве “Новые писатели” и была переведена на французский язык, получив заглавие “Sachka L’Enfant qui a Faim”. В центре повествования “Колеса” — судьба рано осиротевшего мальчика Саши, как и тысячи его сверстников, ввергнутого в кровавый хаос Гражданской войны. Обреченный, в условиях всеобщего одичания и разгула низменных страстей, на отчаянную борьбу за существование, он не раз оказывается в критических ситуациях, из которых далеко не всегда выходит без внутренних потерь. Так, например, доведенный до крайней нужды, он связывается с компанией карточных шулеров, а один раз чуть не совершает убийство с целью ограбления. Как отмечал один из рецензентов, “инстинкт звериного самосохранения душит человеческие порывы его мягкой и в известном смысле даже музыкальной души”*. Однако, несмотря на все жизненные тяготы и потрясения, несмотря на постоянные столкновения с людской подлостью и жестокостью, мучительно взрослеющий герой “Колеса” преодолевает в себе низменное, животное начало и, наряду с “каким-то смутным стремлением пострадать за правду”**, сохраняет человечность и веру в добро.

Теме людского страдания — одиночества, нищеты, нравственной деградации в условиях одуряюще монотонного труда за кусок хлеба — посвящены довоенные рассказы Яновского “Тринадцатые”, “Документ”, “Рассказ медика”, “Розовые дети”, “Вольно-американская” и роман “Мир” (Берлин, 1931). В них “с кропотливой и безжалостной правдивостью” (по выражению Г. Адамовича) повествуется о беспросветном существовании опустившихся русских эмигрантов, после разрыва с родиной не сумевших найти себе место в жизни и затерявшихся в “сорных лабиринтах” большого современного города (в обобщенном образе которого едва угадываются черты Парижа).

Роман “Мир” и большинство рассказов исполнены отчаяния, пронизаны нигилистическим отрицанием “бессмысленного балагана” жизни; критики отмечали в них многочисленные психологические неувязки, “нарочитость физиологических нагромождений”*** и, главное, постоянные срывы в стиле. Все это создало писателю репутацию последователя Арцыбашева и Леонида Андреева, не способного к глубокому осмыслению и творческому преображению действительности,

* Зайцев К. “Новые писатели” о советских детях // Россия и славянство. 1930. 22 февраля. № 65. С. 3.

** Там же.

*** Савельев А. [Шерман С.] Рец.: “Любовь вторая” // Современные записки. 1936. № 62. С. 444.

у которого “ткань искусства все время рвется, и сквозь нее проступает быт, жизнь, сырой материал”^{*}.

Этой нелестной репутации Яновский обязан и весьма сдержанным приемом следующей книги писателя, повести “Любовь вторая” (Париж, 1935). В ней он попытался преодолеть трагическую безысходность прежних писаний, взяв тему религиозного преображения. По общему приговору рецензентов (отметивших “напористую талантливость”^{**}, “внутреннюю серьезность”, “сердечную правдивость и глубокую чело- вечность”^{***}, с которой была написана повесть), с темой этой Янов- ский не справился — прежде всего потому, что духовное просветление главной героини (бедной девушки-эмигрантки, прошедшей суровую жизненную школу одинокого и полунищего существования на чужби- не) было изображено психологически неубедительно и оставляло впе- чатление авторского насилия над материалом. “Религиозный экстаз героини Яновского едва ли обоснован с достаточной художественной убедительностью. Правда, тема религиозного возрождения — чрезвы- чайно трудная, не удавшаяся даже таким великим мастерам, как Досто- евский: выхода нет, но герой берет Евангелие и с ним уходит — за пределы литературы. Неуловимая граница между художественным творчеством и религиозной тенденцией стирается, а между тем имен- но в умении найти здесь тончайшую меру и должно заключаться ис- кусство”^{****}.

Тем не менее “Любовь вторая” ознаменовала перелом в художе- ственном сознании и мировоззрении писателя, отразила его стремле- ние выйти из тупика бесплодного нигилизма и потребность “обрести нечто, не убегающее, не скользящее вместе со всей окружающей мни- мой действительностью”, найти “спасительный клапан, пусть мнимый, но всё же дающий людям возможность существовать”^{*****}.

Подобным “спасительным клапаном” для Яновского стала его деятельность в религиозно-философском обществе “Круг”, которое было организовано в 1935 году по инициативе И.И. Фондаминского, мечтавшего о возрождении духовного союза русской интеллигенции и основании “Ордена воинов-монахов, пламенно верующих в правду христианского учения и готовых на жертву и подвиг для освобожде- ния России”^{*****}.

^{*} *Адамович Г.* Современные записки. Кн. 53. Часть литературная // Последние но- вости. 1933. 2 ноября. № 4607. С. 2.

^{**} *Осоргин М.* Рец.: “Любовь вторая” // Последние новости. 1935. 11 июля. С. 3.

^{***} *Ходасевич В.* Рец.: “Любовь вторая” // Возрождение. 1935. 22 августа. С. 3.

^{****} *Волошин Г.* Рец.: “Любовь вторая” // Современные записки. 1935. № 59. С. 476.

^{*****} Повесть Яновского цитируется по журнальной публикации: Современные запис- ки. 1933. № 53. С. 29, 132.

^{*****} *Бунаков И.* [Фондаминский И.] Пути освобождения // Новый град. 1931. № 1. С. 47.

Как и замышлял Фондаминский, “Круг” стал местом встречи двух эмигрантских поколений и в какой-то степени помог преодолеть ощущение “эмигрантских сыновей” — литераторов-монпарнасцев, увлеченных учением гностиков и склонных “толковать христианство в духе восточного дуализма, отрицающего мир и историю”*, — от “отцов”, среди которых тон задавали близкие “Новому граду” Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, мать Мария, Н.А. Бердяев и другие мыслители, исповедующие идеалы социально активного, творческого христианства.

Идеологические установки “Круга” и “Нового града”, равно как и философские концепции Анри Бергсона и Н.Ф. Федорова (знакомство с работами этих мыслителей оказало огромное влияние на мировоззрение писателя), легли в основу наиболее значительного довоенного произведения Василия Яновского, романа “Портативное бессмертие”. Рассказывая о борьбе идеального содружества (полумонашеского ордена Верных) — ни много ни мало — за нравственное возрождение человечества и установление Царства Божия на земле, автор романа затронул важную проблему: о способах достижения этой цели. Один из Верных, “современный Савонарола” Жан Дут, изобретает особые омега-лучи, лучи любви: при попадании в зону их действия все живое “подвергается чудесному влиянию, претерпевает райское изменение”. Однако у Жана Дута и его единомышленников, считающих, что наука и техника могут и должны способствовать установлению царства божественной гармонии и всеобщего счастья, появляется яростный противник, член того же общества Верных Свифтсон. С точки зрения Свифтсона и немногих его сторонников, для утверждения христианских идеалов нельзя пользоваться никакими другими методами, кроме религиозной проповеди: настоящее духовное преображение человечества возможно лишь с помощью самостоятельной внутренней работы каждого человека. Механическое воздействие на человеческую душу (пусть и осуществляемое с благими намерениями) воспринимается им как насилие, лишаящее человека свободной воли. Как пронизательно указывал Владимир Варшавский: “Это осуждение опыта Жана Дута равняется, в сущности, осуждению всей демократической и технологической цивилизации, так как несомненно, что под видом чудодейственных лучей в романе аллегорически изображен современный машинизм, способный при соответствующей социально-нравственной реформе привести не к «производству» любви, конечно, а к устранению материальных препятствий, обрекающих людей на подчинение законам звериного существования и мешающих освобождению любви, заложенной в глубине сердца каждого человека”**.

* Варшавский В.С. Незамеченное поколение. С. 294.

** Там же. С. 265.

Стоит отметить, что трогательно-беспомощная утопия о преображении человечества “лучами любви”, воскрешающая в памяти ветхозаветные пророчества Исаи о грядущей на нашей многогрешной земле абсолютной гармонии: о волке, мирно лежащем возле ягненка, младенце, беспечно играющем над норой аспиды, — захватывает лишь периферию сюжета “Портативного бессмертия”. В центре авторского внимания — мятущаяся душа неприкаянного русского эмигранта, представителя “святого рыцарства” мечтателей, “шатунов-неудачников, художников”, мучительно переживающего ущербность своего одинокого “я”, утратившего смысл жизни, покинутого среди враждебно-равнодушного мира “других”, человека кризисной предвоенной эпохи, подсознательно ощущающего симптомы близкой катастрофы привычного мироуклада.

И философская проблематика, и формально-композиционные особенности романа свидетельствуют о возросшем писательском мастерстве Яновского, сумевшего творчески усвоить и переработать разнообразные литературные влияния. По мрачному колориту отдельных эпизодов, показывающих конвульсии большого города (символ бездуховной европейской цивилизации XX века) и призрачную, бессмысленную жизнь его обитателей, задавленных рутинной монотонного труда и убожеством обывательского быта, “Портативное бессмертие” родственно многим выдающимся произведениям французской литературы того времени, прежде всего романам “Путешествие на край ночи” Л.-Ф. Селина и “Тошнота” Ж.-П. Сартра.

Из русских произведений, не только созвучных тематике “Портативного бессмертия”, но и повлиявших на его генезис, стоит отметить в первую очередь романы Ф.М. Достоевского*, Бориса Поплавского (“Аполлон Безобразов”, “Домой с небес”) и скандально прогремевшую в литературном мире русского Парижа “поэму в прозе” Георгия Иванова “Распад атома”. С произведениями Поплавского и Иванова роман Яновского роднят бесфабульное построение, мощная лирическая стихия, обилие эмоциональных монологов и философских медитаций

* О влиянии художественного мира Достоевского на автора “Портативного бессмертия” писал Г. Адамович, откликнувшийся на нью-йоркское издание романа: “Тень Достоевского витает над этой книгой. Насколько мне помнится, Яновский Достоевского недолюбливает и признать себя его учеником отказался бы. Литературной преемственности и в самом деле нет. Но есть связь эмоциональная, и, когда Яновский пишет, например, о двух вертикальных складках над глазами Лоренсы, при виде которых хотелось «неутешно зарыдать и в чем-то покаяться», ряд схожих замечаний Достоевского, со столь же характерным для него страдальческим восприятием физической прелести, проходит в памяти: «узкий мучительный следок» и прочее, в том же роде” (Новое русское слово. 1953. 24 мая. № 15002. С. 8).